

Е. Н. Котусев

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ОТНОШЕНИЙ ГЕРМАНСКОГО МИРА И СЛАВЯНСТВА В XIII—XVI ВЕКАХ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ЛЮБОВИЧА

Н. Н. Любович — широко известный в свое время российский историк, профессор русского Варшавского Императорского университета, занимающийся всеобщей историей, исторической славистикой и полонистикой. Статья посвящена проблематике отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках в творчестве названного историка. Н. Н. Любович рассматривал эти отношения в компромиссной схеме доктрин российской консервативной историографии славянофильской направленности и либеральной западной историографии общего противостояния двух миров. Оценочный подход Н. Н. Любовича к заявленной проблематике рассматривается автором статьи на сравнительном фоне общих оценок современной ученому российской историографии. Данная проблематика в историческом наследии Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Ключевые слова: Н. Н. Любович; историография; российская историография второй половины XIX — начала XX века; германский мир; славянство; борьба миров; цивилизационное влияние; Грюнвальд; Польша; ВКЛ; Пруссия; западно-русские земли.

Библиогр.: 60 назв.

E. N. Kotusev

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5 Oktyabrskaya St.,
230023 Hrodna, Republic of Belarus, +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

THE PROBLEMATICS OF THE RELATIONS OF THE GERMAN PEACE AND THE SLAVERY IN THE XIII—XVI CENTURIES IN THE WORKS OF N. N. LYUBOVICH

N. N. Lyubovich was a well-known Russian historian at one time, professor of the Russian Imperial University of Warsaw, engaged in general history, historical Slavic studies and Polon studies. The article is devoted to the problems of relations between the Germanic world and the Slavs in the XIII—XVI centuries in the work of the named historian. N. N. Lyubovich considered these relations in the compromise scheme of the doctrines of the Russian conservative historiography of the Slavophile orientation and the liberal Westernizing historiography of the general confrontation between the two worlds. The evaluative approach of N. N. Lyubovich to the stated problems is considered by the author of the article against a comparative background of general assessments of the modern scientist of Russian historiography. This issue in the historical heritage of N. N. Lyubovich did not become the subject of separate studies and is considered in this context for the first time.

Key words: N. N. Lyubovich; historiography; Russian historiography of the second half of the XIX — beginning of the XX century; the Germanic world; Slavism; the struggle of the worlds; civilizational influence; Grunwald; Poland; the Grand Duchy of Lithuania; Prussia; Western Russian lands.

Ref.: 60 titles.

Введение. В данной статье автор ставит цель представить вклад и оценочные позиции Н. Н. Любовича в рамках российской историографии в целом в разработку проблематики отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках. Эти взгляды и вклад Н. Н. Любовича представлены на фоне развития современной ему российской историографии в целом и российской исторической славистики в частности.

Методология и методы исследования. В историографическом плане заявленная тематика отдельно не изучалась. Ряд ее проблем затрагивался косвенно в современной белоруской и российской исторической науке (Т. Т. Кручковский [1; 2], Л. М. Аржакова [3; 4], Р. Б. Гага [5—7], Л. П. Лаптева [8; 9]) и польской историографии (К. Блаховска [10; 11]). Т. Т. Кручковский рассматривает некоторые аспекты проблематики отношений германского мира и Польши, в том числе упоминая и вклад в разработку тематики Н. Н. Любовича [1; 2]. Л. М. Аржакова, рассматривая польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века, отмечала исследования и Н. Н. Любовича в тематике польско-германских отношений [3; 4]. Л. П. Лаптева, описывая развитие российской исторической славистики, отмечала научный вклад Н. Н. Любовича [8; 9]. Наибольший вклад в бе-

лорусской историографии в исследовании заявленной проблематики сделал Р. Б. Гагуа, который занимался изучением истории Великой войны и Грюнвальдской битвы, в том числе и в историографическом плане [5—7]. Однако и у него отсутствует анализ научного наследия Н. Н. Любовича по исследуемой нами проблематике. Некоторые аспекты заявленной проблематики в творческом наследии российской историографии затрагивались в работах К. Блаховской [10; 11]. Однако заявленная проблематика не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. Основной источниковой базой нашей статьи являются работы Н. Н. Любовича, посвященные заявленной проблематике. Это в первую очередь «Грюнвальдская битва и ее историческое значение» [12]. Это была одна из немногих работ в российской историографии, посвященная этому событию. Данная работа Н. Н. Любовича не была оригинальным исследованием, хотя опиралась на широкую источниковую базу: автор использовал не только хронику Длугоша, но и исследования по истории Польши, Тевтонского ордена современных ему польских и немецких историков. Основное значение этой работы для российской науки — это, скорее, подведение итогов данного события и попытки его оценки с объективных позитивистских позиций, попытка отхода от господствующего славянофильского взгляда.

Теоретико-методологические основы данного исследования опираются как на основополагающие принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Одним из способов исследования творческого наследия Н. Н. Любовича является предложенный группой современных исследователей (А. Л. Самович и др.) междисциплинарный подход. Он позволил автору на примере исследуемого историка показать его общественно-политические и историософские позиции, отношение к истории Польши, роль личности и ценностных установок в развитии творческого наследия Н. Н. Любовича.

В решении поставленных исследовательских задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Принцип историзма, который требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, позволяет избежать модернизации изучаемых явлений с точки зрения современности. Принцип объективности является сознательной ориентацией исследователя на воздержание от критических оценок познаваемой действительности, от привнесения ценностных суждений в научное познание. Ценностный подход позволяет дополнить установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. К общенаучным методам относятся: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод восхождения от конкретного к абстрактному, метод классификации и типологизации, метод концептуального анализа. Наиболее используемыми специально-историческими методами являются: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективного и перспективного анализа, метод диахронического анализа, метод контент-анализа и т. д.

Вместе с тем эти общенаучные методы в отношении творческого наследия Н. Н. Любовича значительно упрощают и обедняют оценочные подходы российской исторической полонистики, не позволяют представить всей оригинальности подходов отдельных исследователей. Проявлением их в исторических исследованиях являются специально-исторические методы:

– историко-типологический и историко-системный. Они рассматривают историю исторической науки как определённую систему со всеми её составляющими и взаимодействующими элементами — с творчеством историка, деятельностью научных центров (исторических школ и направлений) и т. д.;

– историко-сравнительный. Позволяет выявить место отдельных ученых и историографических направлений в ряду других, определить их сходства и различия во взглядах. Сравнительно-историографический метод использовался автором для сравнения различных исторических взглядов изучавших данные проблемы исследователей. Это позволило увидеть вклад Н. Н. Любовича в развитие исторической науки России и Польши;

– проблемно-хронологический. Позволяет сконцентрировать внимание на рассмотрении того или иного компонента исторической концепции в динамике. Таким компонентом исторической полонистики, проявляющимся во всех концепциях российской науки является тезис

о цивилизационном противостоянии России и Польши, о религиозном характере их противоборства и т. д.;

– метод исторической периодизации является важным элементом нашей исследовательской работы. В его применении мы использовали нескольких уровней: периодизация научного творчества отдельных ученых, научных направлений, исторической мысли в целом или значительного отрезка времени.

К числу сложных методов исторического познания относится структурно-функциональный анализ. Этими компонентами являются совокупность трудов творческого наследия Н. Н. Любовича.

На основании этого метода можно делать выводы о принадлежности ученого к какой-либо «исторической школе» или направлению, об общественной значимости работ ученого, его вкладе в историческую полониистику.

Все эти требования к вышеуказанным принципам и методам исторического исследования, как показывает представленный материал, особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет изучения столь «чувствителен» к субъективным оценкам. Их использование позволило решить намеченные цели и задачи исследования. В связи с ограниченным объемом статьи более подробно описать применение этих принципов и методов историографического исследования не представляется возможным.

Н. Н. Любович частично затронул проблематику противостояния германского мира и славянства (в первую очередь в лице Польши) в статье «Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше» [13]. Ранее, еще в 80-е годы XIX века, фактор противостояния германского мира и славянства был отмечен им в ряде работ, посвященных Реформации в Польше и ВКЛ [14—16]. Заявленная проблематика также поднималась ученым в его общих курсах по всеобщей истории, читаемых для студентов историко-филологического факультета Варшавского университета. Однако их тексты не сохранились.

Проблема отношений романо-германской Европы и славянской Центрально-Восточной Европы как противостояния двух миров, как борьбы германского мира и славянства была актуальна в российской историографии XIX — начала XX века. О борьбе с Тевтонским орденом писали российские историки, начиная от Н. М. Карамзина и заканчивая Н. И. Кареевым и А. Л. Погодиным [1; 2; 17; 18].

Специально посвященных этому событию работ было немного: статья 1887 года А. И. Барбашева [19]. А. И. Барбашев, как и М. О. Коялович [20], рассматривал эту битву с позиций славянофильства. Перу А. И. Барбашева принадлежат еще две работы, посвященные этой теме [21; 22]. В них рассматривается проблема противостояния романо-германской Европы и славянства в более широкой исторической панораме. Популярный характер имела статья Д. Довгялло [23]. Наиболее подробное описание событий Великой войны представил П. А. Гейсман [24]. Статья Н. Н. Любовича «Грюнвальдская битва» входила в общий тренд российской историографии и была попыткой подведения итогов этого события и одновременно попыткой оценки его с объективных позитивистских позиций.

Для того чтобы представить общий оценочный подход Н. Н. Любовича к проблематике отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках, необходимо рассмотреть его оценочные подходы и вклад в изучение заявленной тематики в целом в российской историографии XIX — начала XX века. основополагающие оценочные подходы российской историографии имперского периода к исторической полониистике определены в современной науке как ее фундаментальные идеи [1; 17; 25—28]. Основная их суть сводилась к определению ущербности общественно-государственного устройства польско-литовской государственности, отказе ее от миссии противостояния романо-германскому миру, ее исторической обреченности в противостоянии с Москвой [25—28]. В определении этих фундаментальных идей во многом совпадали оценочные позиции консервативной историографии славянофильской ориентации и либеральной историографии прозападной ориентации [25—28]. Эти особенности российской историографии нашли свое преломление в оценках заявленной тематики у Н. Н. Любовича.

Традиционно Н. Н. Любович воспринимается как исследователь-позитивист [29—33]. Наивысшего расцвета либеральная позитивистская историография достигла в лице русской исторической школы всеобщей истории [29—31]. Теоретико-методологической основой концепции этой школы был позитивизм, именно основой, так как они испытали определенное влияние марксизма, народнических идей и внесли в них собственную интерпретацию [17, с. 157]. Важной проблемой позитивистской теории, относящейся к Н. Н. Любовичу, была экономическая

сфера. Эта сторона исторического процесса стала объектом изучения для целого ряда медиевистов и историков нового времени [29, с. 45]. Проявление этого фактора особенно заметно у Н. Н. Любовича в интерпретации тематики ряда его исследований.

В отношении общественно-политических взглядов и деятельности Н. Н. Любовича принято считать, что ученый оставался в стороне от политической и общественной деятельности [34; 35]. В основном это положение верно, если сравнивать с деятельностью его коллег Н. И. Кареева, А. С. Будиловича или Е. Ф. Карского. В ряде случаев Н. Н. Любович выступал с активной позицией, хотя бы по причине занимаемых им постов. Следует учесть, что эта деятельность протекала

в основном в специфических условиях русской Польши [17, с. 134]. О либеральных взглядах ученого свидетельствуют материалы его исследований, дружественные контакты с польскими учеными и с тем же Н. И. Кареевым [36]. Это можно проследить в исследованиях как Н. А. Казаровой [34], так и Ю. Ф. Иванова [35].

Н. Н. Любовича нельзя назвать однозначным либералом. В работах, связанных с деятельностью иезуитского ордена на территории Речи Посполитой, он делал выводы о том, что иезуиты привлекались не для борьбы с протестантизмом (вслед за С. М. Соловьевым [37]), а для привлечения в католичество православных [38]. Такие идеи горячо воспринимались сторонниками западноруссизма, но сам Н. Н. Любович стремился занимать нейтральную позицию. Не приветствовал он и революционные события, понимая по накопленному материалу исследований, каковы будут ее последствия [34]. Н. Н. Любович был крайне осторожен в высказывании своих политических и идеологических ориентиров [39, с. 89].

Н. Н. Любович, несмотря на позитивистские методологические установки, остался на оценочных позициях консервативной (или компромиссных с либерально-западнической) части российской науки в ряде важнейших проблем истории Западной Европы, Польши, ВКЛ: в оценке Реформации в Польше (на исследовании этой тематики он сделал себе научную репутацию в России и в Европе в целом), проблематики западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли. Так, общим положением для него было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством как постоянного религиозного противостояния [40]. Это положение касалось и славянофильского тезиса о враждебности и борьбе германского мира и славянства, проявившихся наиболее остро в период XIII—XVI веков.

Для представления оценочной позиции ученого к проблематике отношений германского мира

и славянства, а также характеристики места и роли германского мира, славянства, Польши в обще-европейском контексте следует вспомнить мнение ученого об исторической миссии Польши и России. Тезис об отказе Польши от общеславянского дела впервые был отмечен еще А. С. Хомяковым и стал общепринятым в российской историографии славянофильской направленности [41, с. 294—300]. Впоследствии это положение было поддержано наиболее известным историком второй половины XIX века, относящимся к либерально-западнической историографии, — С. М. Соловьевым. Он утверждал: «Из двух отраслей славянского племени, восточной и западной, двум самым сильным народам, русскому и польскому, история вначале предоставила две борьбы для охраны славянства: русскому — борьбу с восточными азиатскими хищниками, польскому — с немцами» [42, с. 315]. Говоря об успешно выполненной исторической миссии России, ученый представлял Россию как единственный оплот против кочевой Азии, а затем и германского мира [27, с. 143, 149].

В российской историографии либеральной направленности противостояние германского мира

и славянства и ведущая роль в нем Польши виделась подобным образом, хотя и с выделением ряда существенных акцентов (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский) [27, с. 180, 187, 201—205]. Наиболее отличительную позицию занимал здесь А. Л. Погодин. Он видел историческую миссию Польши в качестве государства, разделяющего Западную и Восточную Европу и играющего огромную роль в становлении исторической роли России [43, с. 25].

Начало борьбы поляков с Тевтонским орденом Н. Н. Любович традиционно относил к XIII веку

с приглашения Конрада Мазовецкого, довольно кратко описывая это событие [12, с. 2]. В целом

российские историки сходились во мнении, что призыв тевтонцев для борьбы с пруссами обернулся для Польши появлением нового опасного врага. Интерпретация Н. Н. Любовичем начального этапа борьбы Польши с Орденом является, по сути, кратким пересказом этих событий из «Истории»

С. М. Соловьева [44, с. 136].

Н. Н. Любович, согласно славянофильской традиции, считал, что крестоносцы имели целью своих действий завоевание славянского мира в Центрально-Восточной Европе и Прибалтике. Он утверждал, что все действия Ордена имели заранее определенный план агрессии с привлечением всего германского мира. Он писал: «Тевтонский орден не удовольствовался, однако, тем, что этот князь предоставил ему Кульмскую землю, но выхлопотал себе у императора Фридриха II грамоту, “в силу которой все земли, завоеванные Орденом, должны ему принадлежать”. Орден шел уже обдуманно: во-первых, создать государство на берегу Балтийского моря, а, во-вторых, получить себе самостоятельность и быть независимым от поляков» [12, с. 2]. Ученый неоднократно подчеркивал, что периодически поступали пополнения рыцарей из Германии и других западных земель, отмечая, что Орден, «не порывал связей со Священной Римской Империей» [12, с. 3]. Это положение поддерживалось и в либеральной историографии. А. Л. Погодин указывал, что крестоносцам помогали деньги европейских стран и большое количество рыцарей [43, с. 44].

Н. Н. Любович соглашался с мнением российской историографии, что основной целью создания Ордена меченосцев было желание укорениться в Прибалтике для завоевания новых территорий и массового крещения местного населения [12, с. 2—3]. Он писал: «За борьбу с литовцами Орден принялся очень энергично. Вновь приобретенные земли заселялись колонистами, пришедшими по преимуществу из Германии» [12, с. 3]. «Быстро стали вырастать теперь на прежних литовских землях, — продолжал ученый, — на восток от Вислы города и деревни, основывались они на немецком праве» [12, с. 3]. Это Орденское государство историк считал немецким, отмечая, что «выстроенный в Мариенбурге замок принадлежал к числу красивейших и обширнейших во всей Германии» [12, с. 4]. Эта его оценочная позиция была общей с мнением, высказанным ранее в российской науке. Н. А. Полевой писал, что тевтонцы покорили Пруссию и завладели множеством других территорий, оказывая сильное влияние на Польшу и Литву [45, с. 124].

Как считал далее Н. Н. Любович, в связи с таким усилением Ордена он стал опасен не только для язычников, но и для католической Польши [12, с. 4]. Следующей, как показывал Н. Н. Любович,

в экспансии Ордена стала Польша. Он писал: «Тевтонские рыцари совершенно отрезали Польшу от моря» [12, с. 3]. Однако Польша в данном случае, по мнению Н. Н. Любовича, столь отличного от мнения большинства российских историков, «не осознала опасности идущей от германского натиска» [12, с. 17]. Эта оценочная позиция Н. Н. Любовича, как увидим далее, объяснялась убеждением историка в том, что Польша оказалась в плену цивилизационного влияния германского мира, из которого она уже не имела сил вырваться.

Положение об опасности романо-германского мира для славян, балтов и западно-русских земель было общей позицией российской историографии исследуемого периода независимо от ее направлений. Так, Н. И. Кареев утверждал, что немецкий «напор на Восток» и борьба славян с германизмом составляют одну из важных сторон средневековой и новой их истории [46, с. 133]. Польско-германские противоречия, считал он, сохранились и после принятия Польшей католицизма в форме геополитического соперничества: продолжался немецкий натиск на Польшу посредством духовно-рыцарских орденов [46, с. 135].

Н. Н. Любович рассматривая процесс натиска германского мира на славянскую Центрально-Восточную Европу и Литву и утверждал, что его главный удар приходился на Польшу, Прибалтику,

а затем и западно-русские земли [12, с. 17]. Это была общая позиция для большинства российских историков. Так, В. О. Ключевский утверждал, что литовцы смогли оказать сопротивление немецкому Ордену, усилившись западно-русскими княжествами и беглецами из Пруссии. Поэтому, по его мнению, «для борьбы с немцами, ставшими опасными для Польши, явилась для последней нужда в соединении с Литвой» [47, с. 26].

Н. Н. Любович поднял проблему не только завоеваний Ордена, но и немецкого цивилизационного влияния на восток от Лабы, весьма противоречиво решаемую в российской историографии того периода [27, с. 151, 178, 185]. Однако интерпретация этой проблемы у Н. Н. Любовича была довольно ограниченной: военно-политическая борьба и подавляющее немецкое

В наиболее концентрированном виде оценочные позиции о немецком цивилизационном влиянии в Польше представил М. Ф. Владимирский-Буданов [48], откуда, как видно из текста его статьи, были взяты аргументы Н. Н. Любовичем. Однако историк использовал только часть этой аргументации, относящуюся к негативным моментам немецкого влияния, в то время как российская историография либеральной направленности подчеркивала неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому и правовому прогрессу, а с другой — деградации политического строя [27, с. 203].

Положения и аргументы Н. Н. Любовича в данном вопросе в основном укладываются в схему российской историографии славянофильской направленности. В этом случае историк допускал исключения. Так, Н. Н. Любович, описывая насильственный характер проникновения в Прибалтику, признавал огромные цивилизационные успехи Ордена: «Управление во владениях Ордена было хорошо организовано. Он заботился, чтобы чиновники усердно и добросовестно исполняли свои обязанности» [12, с. 4]. Историк отмечал прекрасную социально-экономическую ситуацию немецкого населения Пруссии: местные крестьяне пользовались полной личной свободой, и в XV веке не было прикрепления к земле [12, с. 5].

Отдельно и в превосходной степени Н. Н. Любович описывал социально-экономические успехи Ордена, уделяя им значительно больше внимания, чем это было принято в российской историографии [12, с. 5—7]. Так, описывая общие успехи хозяйственного развития Пруссии, он отмечал, что во владениях Тевтонского ордена насчитывалось 98 городов, 1 400 деревень. Хозяйственная деятельность Ордена в Пруссии, по мнению Н. Н. Любовича, это образцовое западно-европейское хозяйство, основанное на немецком праве: «Орден принимал все меры к тому, чтобы развить земледелие: осушались болота, устраивались плотины, чтобы увеличить площадь годных для обработки земель <...>. Скотоводство также было развито» [12, с. 5]. Города Ордена, считал историк, достигли высокой степени экономического процветания. Орден вел крупную торговлю, продолжал он, «ведя хозяйство самостоятельно в принадлежавших ему громадных имениях, он имел массу хлеба, которого не только с избытком хватало для его собственных надобностей, но еще оставалось огромное количество для продажи» [12, с. 5].

Результатом такой успешной социально-экономической деятельности Ордена, заключал Н. Н. Любович, была его экономическая мощь и богатство не только на фоне его соседей, но и в обще-европейском масштабе. «Как был богат Тевтонский орден можно заключить уже из того, что доходы этого государства в момент наивысшего расцвета, его могущества, достигали почти до 2 миллионов талеров на современные немецкие деньги, а доходы богатейшего в XV веке в Европе торгового государства — Венеции, — писал историк, сравнивая показатели, — превышали только насколько 3 миллиона» [12, с. 6].

Н. Н. Любович, ссылаясь на Длугоша, утверждал, что «поляки во время войны 1410 г. и военных походов в Пруссию удивлялись богатству и благосостоянию этого государства» [12, с. 6]. Польша, утверждал ученый, в экономическом и в культурном и отношении значительно отставала от Ордена [12, с. 4]. В описании этой социально-экономической характеристики Ордена Н. Н. Любович ссылаясь на немецкую и польскую историографию предмета, в частности, на Длугоша и Зибеля [12, с. 5—6].

В представлении путей и механизмов следования германского влияния на земли Прибалтики и Польши Н. Н. Любович следовал за С. М. Соловьевым. Однако в сносках Н. Н. Любовича на используемую научную литературу по данному вопросу труды С. М. Соловьева отсутствуют. Н. Н. Любович по вопросу немецкой колонизации в Польше ссылаясь на немецкую и польскую историографию [12, с. 18].

В качестве примера последствий немецкой колонизации С. М. Соловьев приводил силезских князей, которые не только испытали немецкое влияние, но и стали приглашать немецких колонистов [44, с. 180]. Процессу немецкой колонизации способствовала и Церковь: монастыри, наполненные немецкими монахами, рыцарские ордена стали вызывать немецких колонистов, и «скоро и города начали также наполняться немцами, причем важно было то, что последние сохраняли свою народность» [44, с. 180].

Немецкая колонизация и вместе с нею немецкая культура хлынули сильной волной, писал Н. Н. Любович, в Польшу еще в XIII веке. По мнению ученого, немецкая культура проникала в Польшу тремя путями: «Во-первых, путем колонизации свободных земель немецкими крестьянами и основанием деревень на немецком праве; во-вторых, основанием городов на немецком праве (обыкновенно на Магдебургском). В особенности с конца XIII века стал заметен значительный

прилив немцев в города и деревни <...>. В третьих, немецкая культура пускала глубокие корни в Польше вследствие наплыва немецких монахов в польские монастыри. Вскоре они совершенно завладели ими и старались вытеснить из них польский элемент» [12, с. 18—19]. Как продолжение этой политики вытеснения польского элемента с протестантской церкви и замены его немецким Н. Н. Любович рассматривал деятельность герцога Альбрехта в период Реформации [13, с. 175]. Историк в исследовании, посвященном Реформации в Польше, утверждал, что «ввиду того влияния и значения, которыми пользовались немцы в городах Польши, они достигли того, что проповеди во многих костелах произносились исключительно на немецком языке» [14, с. 51]. Это положение он поддержал, ссылаясь на исследования польских историков, и в работе 1910 года [12, с. 20].

Ссылаясь на исследования польских историков (А. Прохаска, С. Кутшеба), Н. Н. Любович представил положение польских городов и торговли в контексте влияния немецкого элемента. По его мнению, в особенности сильно сказывалось влияние немцев в городах. Многие из них стали немецкими по своему характеру. «В Кракове, — писал историк, ссылаясь на польские статистические данные, — управляют всеми делами исключительно немцы, и они даже численно превышали польское население» [12, с. 20].

Подобным было, как отмечал Н. Н. Любович, положение и в торговле: «Вся крупная торговля была сосредоточена в немецких руках. Акт об основании этой краковской купеческой гильдии составлен по-немецки» [12, с. 19]. В качестве дополнительного свидетельства в пользу этой точки зрения Н. Н. Любович приводил цитату из труда С. Кутшебы [12, с. 20]. Ссылаясь на работы немецких и польских историков, Н. Н. Любович для дополнительной аргументации в пользу высказанного положения отмечал попытку, сделанную Ягайло, направить польскую торговлю через землю Поморских герцогов. «Эта попытка была сделана с целью освободить торговлю от опеки Пруссии, — писал российский историк, ссылаясь на А. Прохаску [50, с. 334], — и нанести последней в экономическом отношении сильный ущерб. Но для приведения в исполнение указанного проекта у поляков не оказалось ни умения, ни сил» [12, с. 18].

В результате стечения всех этих факторов, по утверждению Н. Н. Любовича, Польша к концу XIV века уже попала под влияние германского мира. «Немцы играли в ней, — писал он, — очень видную и важную роль, и она была пропитана немецкой культурой» [12, с. 18]. Итог этих заключений однозначен: «Это ясно показывает, в какой громадной зависимости находились поляки и от их культуры» [12, с. 18].

Эти оценочные позиции Н. Н. Любовича ближе к славянофильским идеям, чем либерально-западническим взглядам. Так, по утверждению известного сторонника славянофильских идей И. П. Филевича, немецкое влияние привело к перерождению славянского организма поляков. «В результате Польша не стала Германией, но свое собственное, кроме языка, понемногу растеряла, или оно приняло в своем развитии такие уродливые формы, что под ними уже не узнать первоначальной основы» [51, с. 29], в то время как сторонники либерально-западнической ориентации подчеркивали сохранение Польшей, несмотря на романо-германское влияние, оригинальных славянских черт (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин) [27, с. 122]. Так, М. К. Любавский утверждал, что поляки сохранили свои славянские черты: «К счастью, польская народность оказалась достаточно сильной, чтобы ассимилировать, претворить в себе инородные элементы, и в Польше славяне не утонули в немецком море, а наоборот — немцы в польском» [52, с. 16].

В силу геополитических обстоятельств, по мнению Н. И. Кареева, отношения Пруссии и Польши должны были завершиться либо победою Пруссии (а это была смерть для Польши), либо ее поражением, что равнозначно чуть ли не гибели Пруссии как государства [53, с. 383]. В такой оценке польско-германских отношений Н. И. Кареев был близок к другим российским либералам [27, с. 204]. Подобной была оценка отношений германского мира и Польши С. М. Соловьева: «Между ними сложилась застарелая ненависть, которая означала существовала между Польшей и Немецким Севером» [49, с. 7].

Как видим, Н. Н. Любович в русле славянофильской традиции подчеркивал существование польско-немецкого антагонизма, однако вслед за либерально-западнической традицией считал, что это было не цивилизационное, а военно-политическое противостояние. Н. Н. Любович вполне в духе российской историографии славянофильской направленности (как и С. М. Соловьев) объяснял такое положение тем обстоятельством, что Польша к этому времени уже попала под влияние германского мира. Все эти доводы должны были подтвердить главную идею историка:

«Ни до Грюнвальда, ни после него культура Польши не была оплотом славянства против германизации» [12, с. 20].

Исходя из завоевательных устремлений Ордена, столкновение его с Польшею, продолжал Н. Н. Любович, становилось с началом XV века неизбежным. Государство Тевтонских рыцарей, писал ученый, «все увеличиваясь и разрастаясь <...>. Оно отрезало Польшу совершенно от Балтийского моря» [12, с. 7]. С конца XIV и в начале XV века Польше стала грозить новая опасность, так как Орден начал проявлять стремление расширить свои границы за ее счет. Историк связывал свой тезис о неизбежности столкновения Ордена с Польшею и с проблемой отношений крестоносцев и ВКЛ [12, с. 7]. Не рассматривая комплекса причин польско-литовской унии, он отметил только, что «воля исторических судеб начала связывать в его лице политическую жизнь литовско-русских земель с Польшею» [12, с. 8].

Н. Н. Любович акцентировал, прежде всего, аспект общей военной угрозы и соединения сил Польши и ВКЛ против общего врага. Это была общая позиция российской историографии рассматриваемого периода. «Польский король, литовец Ягайло, тем смелее мог ринуться в борьбу с сильным своим соседом, — писал историк, — что располагал теперь большими военными силами» [12, с. 8]. «Только соединение Польши в конце XIV века, — писал Н. И. Кареев, — с Литовско-русским государством значительно ее усилило и позволило ей вступить в более успешную борьбу с германизмом» [54, с. 135].

С. М. Соловьев утверждал, что важным следствием Кревской унии для Восточной Европы было сокрушение Немецкого ордена [44, с. 374]. Ученый обрисовал эти последствия для польско-германских отношений следующим образом: «Последовала смертельная борьба, кончившаяся, после вековых войн, полным покорением Ордена» [49, с. 7]. Историк рассматривал польско-германские противоречия и на общеевропейском фоне [42, с. 316].

Основой оценочного подхода российской историографии к Великой войне в целом и Грюнвальдской битве в частности стала работа А. И. Барбашева «Танненбергская битва». При её написании использовались различные источники, а также достижения зарубежной, в первую очередь немецкой историографии. А. И. Барбашев утверждал: «Это не было столкновением двух народов, это была борьба германо-романского запада со славянским востоком» [19, с. 151]. В историографической традиции (не только российской, но и польской) рассматриваемого периода Грюнвальдская битва показывалась как пример эффективности единения славян. Впоследствии это акцентировалось в советской, а также в значительной части современной белорусской, российской и польской исторической науке. Разница заключалась лишь в том, что польские историки определяющую роль в победе приписывали польским хоругвям, а российские и советские историки — трём смоленским полкам [6, с. 60]. Отличное мнение можно найти у Н. И. Кареева, А. Л. Погодина и М. К. Любавского, которые признавали победу за Польшей и Литвой [27].

Оценочные подходы Н. Н. Любовича к этим событиям в определенной мере отличались от мнения большинства российских дореволюционных историков. А. И. Барбашев придавал огромное значение Великой войне и считал ее «борьбой германо-романского запада с славянским востоком» [22, с. 34].

В части фактологического материала выводы Н. Н. Любовича опирались не только на немецкую и польскую историографию, но и работы А. И. Барбашева. Для представления объективной картины хода событий или численности войск историк сопоставлял данные российской, немецкой и польской науки [12, с. 11—14].

Н. Н. Любович признавал, что Великая война обратила на себя внимание всей Западной Европы. Одновременно он утверждал, что «придавать ей чуть ли не мировое значение, как склонны это делать некоторые историки, <...> или видеть в ней борьбу германо-романского запада со славянским востоком нет никакого основания» [12, с. 9]. Н. Н. Любович подверг критике точку зрения А. И. Барбашева по поводу значения Великой войны как «борьбу германо-романского запада со славянским востоком» [12, с. 9]. Свою точку зрения Н. Н. Любович обосновывал рядом аргументов. Во-первых, он считал, что «отсутствовало у тогдашних народов, прежде всего у поляков, славянское самосознание». Зачатки рождающегося славянского самосознания историк увидел только у чехов [12, с. 9]. Такой подход Н. Н. Любовича объясняется господствующим в российской историографии славянофильской направленности мнением о гусизме (набирающей тогда силу в Чехии — *Е. К.*) как о попытке возвращения в православие.

Отсутствие в Польше славянского самосознания Н. Н. Любович объяснял, как уже отмечалось автором, господствующим влиянием немецкой культуры и принятием католичества.

Эти аргументы были классическими положениями в этом вопросе российской консервативной историографии славянофильской направленности и, как видим, были приняты либералом-позитивистом Н. Н. Любовичем. «Ни до Грюнвальда, ни после его, — писал он, — Польша не была оплотом для славянства против германизма» [12, с. 18]. «Нет основания искать проявления этого чувства у литовцев Ягайлы и Витовта, — продолжал он свою мысль, — не видно сколько-нибудь заметного, сознательного проявления славянского патриотизма и в Силезии, и в Поморье, которые были онемечены» [12, с. 9].

Во-вторых, Н. Н. Любович считал, что аргументом в пользу отсутствия славянского самосознания является национальный состав войск. Он писал: «Если взглянуть на то, кто были союзниками Ульриха Фон Юнгингена с одной стороны и союзниками Ягайло с другой, то станет ясно, что никакие национальные соображения не имели ничего общего с группировкою союзников воюющих сторон» [12, с. 9]. Историк, говоря о разнообразии состава войска Ягайло, основной упор делал на наличие в составе войск ВКЛ из различных православных земель княжества. «Особенно много знамен (семь) было из русских земель, — писал он, — а именно: холмской, подольской (целых три), львовской и других» [12, с. 11]. Историк говоря, что «русские были в войске Витовта в громадном количестве» [12, с. 12], не соглашался с А. И. Барбашевым, что «число русских и поляков в Грюнвальдской битве было равное» [22, с. 58].

Известность на Западе Великой войны Н. Н. Любович объяснял тем, что «католическое государство Польша отважилась вступить в борьбу с католическим духовным орденом» [12, с. 10]. Упоминания об этой войне, о Грюнвальдской битве во многих западно-европейских хрониках, продолжал он, объясняются и тем обстоятельством, что в войне столкнулись огромные военные силы [12, с. 10]. Н. Н. Любович обращал внимание на то обстоятельство, что «в войске гофмейстера Ульриха фон Юнгингена было много прибывших со всех концов Европы рыцарей <...>. Эти рыцари немало способствовали тому, — заключал историк, — что рассказы о Грюнвальдской битве разошлись широко по всей Европе» [12, с. 10].

Н. Н. Любович показывал, что Орден представлял серьезную опасность для Польши и Литвы не только с военной точки зрения, но и по причинам политическим и конфессиональным. По поводу военно-политических обстоятельств он писал: «Ягайло, однако, прекрасно понимал, что Тевтонский орден противник очень серьезный <...>. Не мог не опасаться Ягайло и того, что Германия может выступить с помощью Ордену» [12, с. 8]. Историк отмечал попытки крестоносцев привлечь материальными выгодами еще и других союзников: «Известно было Ягайле, что Орден, обладающий не малыми запасами золота, старался купить себе помощь разных государей, как, например, Сигизмунда, короля венгерского» [12, с. 9].

Н. Н. Любович, как один из немногих российских историков, акцентировал конфессиональный фактор в отношениях Польши и Ордена: «Война с ним требовала большой осмотрительности, так как Орден был в глазах всей Европы борцом за христианскую религию» [12, с. 8]. «Христианскому государству, начинавшему войну с Тевтонскими рыцарями, — писал он, — нужно быть готовым к тому, что общественное мнение Европы будет против него, что побуждения к войне будут неверно истолкованы» [12, с. 8].

Н. Н. Любович отмечал пропагандистские обвинения Ордена в адрес Польши и Литвы перед западными дворами: «Ягайло знал, что Орден старается <...> изобразить его и Витовта врагами христиан, обвиняя их в том, что они действуют вместе с язычниками» [12, с. 8]. В результате действий Ордена и сведений о составе войск ВКЛ, писал историк, «католический западно-европейский мир особенно был возмущен тем, что поляки в борьбе с Тевтонским орденом воспользовались не только помощью схизматиков, т. е. православных, но и язычников — татар, которые находились в войсках Витовта» [12, с. 12].

Представлены были Н. Н. Любовичем ответные меры на эти действия Ордена: «Поэтому, чтобы не дать веры распространяемым Орденом Европе, Ягайло должен был направить в сентябрь 1409 г. разным западно-европейским дворам мемуары, где он изложил действительные причины столкновений с Орденом <...> и в свою очередь обвинял их в том, что они действуют во вред католической религии» [12, с. 8—9]. Однако подробно этот аспект историк не развивал в отличие от современной ему польской историографии.

Н. Н. Любович, отметив, что не ставил своей задачей отдельное описание Грюнвальдской битвы, сделал в отношении ее некоторые общие замечания со ссылками на немецкую и польскую

историографию. При подсчете численности войск сторон в битве он, приводя расчеты ученых, считал наиболее вероятными расчеты А. Прохаски и пришедшего к тем же результатам немецкого историка

Л. Крольмана [12, с. 12].

Традиционно для российской науки Н. Н. Любович оценивал участие в этом сражении различных народов польско-литовского государства и его союзников. Д. И. Иловайский, отмечая большое значение в победе народного славянского ополчения, главным образом смоленского, подчеркивал, что основную лепту в победу внесли поляки [55]. М. О. Коялович отдал всю честь победы смоленским полкам, которые в самый критический момент доблестно выдержали все удары, дав оправиться литовским и польским войскам [20, с. 15]. По мнению А. И. Барбашева, эта битва по значению для славянства может быть сравнимой с Куликовской [19, с. 152]. В свою очередь Н. Н. Любович утверждал: «Весь успех в блестящем исходе сражения поляки приписывают себе, забывая, что значительная часть войска состояла из русских, литовцев, чехов и татар» [12, с. 1]. «Только три смоленские полка проявили необыкновенное мужество и устояли против немцев, — писал он, — хотя большая часть одного полка была уничтожена, два другие <...> соединились потом с польским войском» [12, с. 13]. «После ожесточенной битвы счастье склонилось на сторону Поляков, — заключал он, — и они одержали решительную и блестящую победу» [12, с. 14].

Исследователь в русле российской историографической традиции считал, что после Грюнвальдской победы крестоносцев можно было полностью разбить. Н. Н. Любович утверждал: «Некоторые королевские советники убеждали Ягайло немедленно двинуться к Мариенбургу <...>, но король склонился к мнению тех советников, которые убеждали его отдохнуть» [12, с. 14]. Подобным образом рассуждало большинство российских историков. Д. И. Иловайский утверждал: «В первые дни после победы крестоносцев можно было полностью разбить, однако из-за медлительности Ягайло этого не произошло» [55]. А. Л. Погодин говорил, что Ягайло помедлил, чем упустил время и дал немцам оправиться, потому «последствия Грюнвальдской битвы оказались не так велики, как можно было ожидать» [43, с. 46]. Также итогом Грюнвальдской победы, по мнению А. Л. Погодина, стало объединение Польши и Литвы «крепкими нравственными узами» [43, с. 47]. Последний фактор в отношениях Польши и ВКЛ Н. Н. Любовичем вообще не поднимался.

Н. Н. Любович прямо обвинял польского короля в том, что он не смог использовать результаты победы под Грюнвальдом как в военном, так и в политическом аспекте. В отношении военного аспекта последствий выигранной битвы он представил широкую картину нереализованных возможностей: «Ягайло упустил удобный момент захватить Мариенбург и окончательно использовать победу при Грюнвальде. <...> все плоды победы при Грюнвальде были потеряны» [12, с. 14]. В политическом аспекте последствий для Польши ученый отмечал: «Заклученный <...> мир в Торуне не принес, сколько особенно заметных выгод, на которые она была в праве была рассчитывать» [12, с. 15]. Для дополнительной аргументации Н. Н. Любович ссылался на негативную оценку результатов Торунского мира Длугошем [12, с. 15].

Заключительный итог Н. Н. Любовича по итогам Великой войны для польско-литовской стороны был в общем негативным: «О том же, чтобы этим миром был нанесен Ордену какой-нибудь ощутительный ущерб или удар, об этом не может быть и речи. Поляки из этой войны не выходили настоящими победителями» [12, с. 15]. Это оценочная позиция Н. Н. Любовича была характерной для большинства российских историков. Д. И. Иловайский писал, что, согласно Торунскому миру, Орден сохранил почти все свои территории. Однако Д. И. Иловайский, в отличие от Н. Н. Любовича, считал, что Грюнвальдская битва — «это одна из тех битв, которыми решалась участь целых государств» [55].

Происшедшее впоследствии ослабление Ордена Н. Н. Любович не связывал не только с результатами Великой войны, но и последующей победной для Польши 13-летней войны. Отметив,

что в 1454 году вспыхнуло восстание, которое охватило всю Пруссию, он писал, что «руководители его обратились к польскому королю Казимиру Ягеллончику с предложением принять эту страну под его власть» [12, с. 16]. В отличие от Н. Н. Любовича многие историки отмечали важность этой войны

в противостоянии славянского и романо-германского миров. Н. А. Полевой упоминал ее значение во взятии части Пруссии [56, с. 533]. Тринадцатилетнюю войну Д. И. Иловайский оценивал как «новую

и еще более решительную, чем-то было при Ягайле и Витовте» [55]. Н. И. Кареев считал эту войну значимой, результатом которой было как территориальное приращение, так и получение ею широкой известности на Западе [57, с. 197].

«Упадок Ордена был результатом того антагонизма, — писал историк, — который с конца XIV века стал заметнее и резко проявился между дворянством и городами Пруссии, с одной стороны, и Тевтонскими рыцарями, с другой» [12, с. 16]. «Как бы то ни было, — подводил он итог, — разгром Ордена, который произошел после тринадцатилетней войны, окончившейся присоединением к Польше Западной Пруссии и признанием остальных земель тевтонских рыцарей в ленной зависимости от польского короля, был результатом того движения, которое происходило в землях самого Ордена с конца XV века» [12, с. 16].

Отдельно Н. Н. Любович приводил причины такого внешнего хода событий: присоединение к Польше Западной Пруссии и признание остальных ее земель в ленной зависимости от польского короля [12, с. 16]. Эти причины историк рассматривал как в общем, так и для различных социальных групп: прусских городов и прусского дворянства [12, с. 17]. «Так как Западная Пруссия была присоединена к Польше на началах личной унии, — писал он, — то патриотическое чувство немецкого населения края несколько не страдало» [12, с. 17]. Н. Н. Любович выделял политические, культурные и экономические причины добровольного присоединения Пруссии к Польше: «пруссские земли были всегда чрезвычайно связаны с Польшею экономическими интересами <...>, политическая связь с нею могла их только радовать, так как теперь они могли рассчитывать на ничем не стесняемое развитие своего благосостояния <...>. Немецкое население земель, желавших присоединения к Польше, прекрасно знало, что его языку и культуре не угрожает и не может угрожать никакая опасность со стороны поляков» [12, с. 17]. Более того, по утверждению историка, после присоединения к Польше на этой территории сохранялось общественное устройство и социально-экономические и юридические права населения [12, с. 16].

Важно отметить, что Н. Н. Любович, представив столь умиротворенную картину присоединения и сосуществования Ордена с Польшей, совершенно обошел стороной вопрос: как это могло произойти в условиях борьбы германского мира и славянства, а также (по его же мнению — *Е. К.*) полной зависимости Польши от романо-немецкой цивилизации. Не только ответа на этот вопрос, но и обсуждения вариантов ответа на него Н. Н. Любович не давал. В современной Н. Н. Любовичу российской историографии имелся ответ на данный вопрос, весьма близкий к оценочным позициям современной историографии.

«Притягательность духа свободы, высокий уровень политической и религиозной свободы, — утверждал Ф. М. Уманец, — способствовали присоединению к польскому королевству Пруссии и Ливонии» [58, с. 74]. Основой политического и культурного могущества Речи Посполитой Ф. М. Уманец, вопреки традиции современной ему русской историографии, считал политическую и религиозную свободу, основанную на шляхетском общественно-государственном устройстве [59, с. 51]. Такая постановка вопроса о польской политической свободе как основе добровольного присоединения ВКЛ, Пруссии и Ливонии к Польше Ф. М. Уманца весьма редка в русской историографии и ближе всех в своих оценках к современной польской историографии (Ю. Бардах, Я. Мацишевски, Е. Охманьски, Х. Виснер и др.).

Однако научное творчество Ф. М. Уманца было забыто в русской и советской историографии

и не оказало существенного влияния на формирование оценочных подходов к ряду проблем истории Речи Посполитой. В способе постановки ряда проблем истории Польши, польско-немецких отношений,

в том числе в аспекте проблематики германского натиска на славянский Восток, он выступил с рядом оценок и идей, которые были не только новыми для русской историографии, но и впоследствии часть из них была принята в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века [59, с. 52]. Однако Н. Н. Любович (в отличие от Н. И. Кареева, А. Л. Погодина) в отношении проблематики отношений романо-германского мира и западного и восточного славянства этих новых идей не воспринял.

По мнению Н. Н. Любовича, поляки не осознали серьезности германской опасности и после Великой войны. В качестве доказательства историк приводил последующие факты политики Польши относительно Пруссии. «Иначе, зачем было признавать в XVI веке за бранденбургскими курфюрстами право получения в ленъ Прусского герцогства, — спрашивал он, — создавшего после секуляризации Тевтонского ордена? Казалось бы, — утверждал историк, — что в интересах Польши было стремиться к непосредственному слиянию Прусского герцогства со своими

владениями, а не усиление в будущем немецкого государства за свой счет. Между тем поляки поступили как раз наоборот» [12, с. 17].

Н. Н. Любович для подтверждения этого положения припоминал свое мнение о сути итогов Великой войны, ставил принципиальные вопросы и сам давал на них ответ. Эти вопросы были сформулированы весьма патетически. «Мы видели, что не поляки нанесли смертельный удар могуществу Ордена, и говорить о том, — утверждал он, — что движение германского мира на славянский было остановлено в XV веке благодаря битве при Грюнвальде, нет никакого основания» [12, с. 18]. Историк категорически спрашивал: «Может быть, следует признать, что в это время Польша начинает проникаться сознанием необходимости бороться с немецким элементом внутри собственного государства и стремиться к тому, чтобы высвободиться из-под немецкого влияния в экономическом отношении?» [12, с. 18]. «Быть может Польша с этого времени начала принимать меры к тому, чтобы ее города получили чисто польский характер, — продолжал историк, — и в них начала развиваться польская промышленность и торговля вместо немецкой?» [12, с. 18]. «На все эти вопросы приходится — констатировал он, — дать отрицательный ответ» [12, с. 18].

Следующим эпизодом польско-германского противостояния Н. Н. Любович считал период Реформации в Польше и Пруссии, находящейся в то время в вассальной зависимости от польского короля. Альбрехт, герцог Прусский, используя Реформации в Польше, попытался освободиться от вассальной зависимости [13, с. 177]. Для ослабления влияния польского элемента в католической и протестантской церкви ВКЛ герцог Прусский содействовал переводу и распространению церковной литературы на литовском языке [13, с. 175]. Н. Н. Любович прямо утверждал, что следующей целью герцога Альбрехта было онемечивание польского и литовского духовенства [13, с. 177].

Согласно мнению Н. Н. Любовича, провалу этих планов помешало несколько факторов. Первым из них русский историк называл старую враждебность между немцами и поляками, которая перенеслась также на польский и немецкий протестантизм [13, с. 179]. Противником этой политики, отмечал Н. Н. Любович, выступила и католическая церковь Польши [13, с. 189]. Особую роль кардинала Гозия в польской католической церкви Н. Н. Любович подчеркивал вслед за П. Н. Жуковичем [60].

Все это привело к жалобам на герцога Альбрехта польскому королю [13, с. 200]. Сигизмунд, продолжал историк, направил в Пруссию королевскую комиссию, которая обвинила герцога в нарушении вассальной присяги [13, с. 200]. В итоге «дело всей жизни герцога Альбрехта рухнуло в результате событий 1566 года» [13, с. 200]. «Польша неизбежно торжествовала победу, — констатировал

Н. Н. Любович, — в результате событий 1566 г. <...> Но более всех имел право торжествовать блестящую победу кардинал Гозий — единственный столб католицизма в Польше в ту эпоху» [13, с. 202].

Заключение. Н. Н. Любович в определении характера противостояния германского мира и славянства занял компромиссную позицию доктринам российской консервативной историографии славянофильской направленности и либеральной западной историографии. Его оценочные позиции в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы. В выработке своих оценок ученый опирался на широкий спектр научной литературы и источников, в том числе немецких и польских.

Основное внимание при описании процесса противостояния германского мира и славянства

Н. Н. Любович уделял Великой войне Ордена, а в этой войне — Грюнвальдской битве. Проблема натиска германского мира на западно-русские земли у него хоть и обозначена, но явно в описании событий теряется, за исключением Грюнвальдской битвы. В изложении хода этого решающего сражения Великой войны Н. Н. Любович придерживался традиционных оценок российской историографии.

Список цитируемых источников

1. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно, 1994. — 198 с.

2. Кручковский, Т. Т. Польско-германское противостояние X—XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX — начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2015. — № 2. — С. 53—59.
3. Аржакова, Л. М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. — 343 с.
4. Аржакова, Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 543 с.
5. Гагуа, Р. Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410» / Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2009. — 208 с.
6. Гагуа, Р. Б. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии / Р. Б. Гагуа // Беларус. думка. — 2010. — № 8. — С. 58—67.
7. Гагуа, Р. Б. Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р. Б. Гагуа // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. : Гуманітар. навукі. — 2003. — № 2 (20). — С. 15—22.
8. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
9. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
10. Błachowska, K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Błachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. — 350 s.
11. Błachowska, K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
12. Любович, Н. Н. Грюнвальдская битва и ее историческое значение / Н. Н. Любович. — Варшава, 1911. — 21 с.
13. Любович, Н. Н. Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше / Н. Н. Любович // ЖМНП. — 1885. — Ч. ССХІІ. — С. 173—220.
14. Любович, Н. Н. История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антитринитарианцы / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. Земкевича и Новаковского, 1883. — 376 с.
15. Любович, Н. Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
16. Любович, Н. Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип К. Ковалевского, 1890. — 400 с.
17. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
18. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
19. Барбашев, А. И. Танненбергская битва / А. И. Барбашев // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1887. — Т. 154. — № 12. — С. 151—193.
20. Коялович, М. О. Грюнвальдская битва 1410 года / М. О. Коялович. — СПб., 1885. — 20 с.
21. Барбашев, А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы / А. И. Барбашев. — СПб., 1886.
22. Барбашев, А. И. Витовт. Последние двадцать пять лет княжения (1410—1430) / А. И. Барбашев. — СПб., 1891.
23. Довгялло, Д. И. Битва при Грюнвальде 15 июля 1410 г. / Д. И. Довгялло. — Вильна, 1909.
24. Гейсман, П. А. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию / П. А. Гейсман // Воен. сб. — Киев, 1910. — № 7. — С. 14—20.
25. Якубский, В. А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
26. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков: историографический обзор / Т. Т. Кручковский // Идеолог. аспекты воен. безопасности. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—37.
27. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 с.
28. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : зб. навук. арт. / А. А. Каваленя (гал. рэд.). — Гродна : ГрДУ, 2019. — Ч. 1. — С. 45—48.
29. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.
30. Хмылев, Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. / Л. Н. Хмылёв. — Томск : Изд-во ТГУ, 1978. — 172 с.
31. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 1969. — 408 с.
32. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 218 с.
33. Шкуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. — М. : Наука, 1980. — 416 с.
34. Казарова, Н. А. Историк Н. Н. Любович к 160 летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>. — Дата доступа: 19.02.2018.

35. *Иванов, Ю. Ф.* Научная деятельность Н. Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Совет. славяноведение. — 1980. — № 4. — С. 82—93.
36. *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 384 с.
37. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
38. *Попазова, А. М.* Изучение деятельности ордена иезуитов XVI в. на территории восточнославянского региона в последней трети XVI начале XVII вв. : исслед. рос. чиновников [Электронный ресурс] / А. М. Попазова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-kollegiy-ordena-iezuitov-v-vostochnoslavjanskom-regione>. — Дата доступа: 09.09.2018.
39. *Лаптева, Л. П.* Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. — Брянск, 2000. — Вып. 2. — С. 88—95.
40. *Котусев, Е. Н.* Оценки реформации в Польше в русской историографии XIX — начала XX века (на примере оценочных подходов Н. Н. Любовича и Н. И. Кареева) / Е. Н. Котусев, Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — Минск. — 2019. — № 1 (29). — С. 49—55.
41. *Хомяков, А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5.
42. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. — М. : Мысль, 1991. — Кн. 9. : История России с древнейших времен. — Т. 17—18. — 701 с.
43. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Меншова, 1909. — 132 с.
44. *Соловьев, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 2. : История России с древнейших времен. — Т. 3—4. — 765 с.
45. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М., 1833. — Т. 4. — 465 с.
46. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
47. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1988. — Т. 2 : Курс русской истории. — 447 с.
48. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. — СПб. : Печатня В. Головина, 1868. — 302 с.
49. *Соловьев, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьев. — М. : Тип. Грачева и компании, 1863. — 369 с.
50. *Prochaska, A.* Król Władysław Jagiełło / A. Prochaska. — 1908. — 414 s.
51. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М., 1894. — 104 с.
52. *Любавский, М. К.* Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915. — 27 с.
53. *Кареев, Н. И.* Падения Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М., 1888. — 413 с.
54. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
55. *Иловайский, Д. И.* История России [Электронный ресурс] / Д. И. Иловайский. — М., 1896. — Т. 2. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_istoriya_rossii_t2_html. — Дата доступа: 12.04.2020.
56. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М. : Тип. Августа Семена при Император. Медико-хирург. акад., 1833. — Т. 5. — 687 с.
57. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время / Н. И. Кареев. — СПб., 1904. — Т. 1.
58. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
59. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ, 2007. — № 2. — С. 47—53.
60. *Жукович, П. Н.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020